

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Новиков

Текст: содержание и смысл*

Исследование семантики (содержательной стороны) текста связано с необходимостью эксплицитного представления его внутреннего содержательного плана. Для этого применяются определённые метаязыковые средства, ориентированные на специфику текста как сложного речемыслительного образования. Они представляют собой различные формы записи в виде схем, графов, сетей и т. п., где графические средства сочетаются с элементами естественного языка. Такие метаязыковые средства требуют своего развития и совершенствования. Основная проблема заключается здесь в адекватном членении семантического пространства текста, которое само как объект описания требует определённых уточнений и более строгого определения. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос о соотношении содержания и смысла текста.

Можно считать признанным положение о том, что семантическому плану текста соответствует то ментальное образование, которое синтезируется в сознании адресата как результат непосредственного воздействия на него всей совокупности языковых средств, составляющих данный текст, и актуализации в его памяти определённых когнитивных, эмотивных и др. структур, необходимых для его осмысления. Другими словами, это то, что является результатом понимания.

Часто такой результат обозначается общим понятием “смысл текста”. Можно предположить, что результату понимания может соответствовать не одна форма его существования, а несколько. Поэтому наряду с общим понятием “смысл” для обозначения результата понимания применяют и другие понятия. Во-первых, различают виды смысла: “речевой смысл”, “личностный смысл” [10], “поверхностный смысл”, “глубинный смысл”, “предметный смысл”, “образный смысл” [8] и др. Кроме того, есть основания рассматривать результат понимания как “содержание” текста, иногда отождествляя это понятие со смыслом, в других же случаях – разводя их как отдельные формы представления результата понимания. Попытка

обоснования такого подхода содержится в нашей работе [11]. О “содержании текста” говорится в работе И.Я. Чернухиной [14]. Н.А. Купина считает, что “содержательный анализ не исчерпывается смысловым” и далее: “...содержательный анализ можно представить как поступательное движение от значения к смыслу и от него к содержанию” [8]. О необходимости дифференциации содержания и смысла говорится в работах А.А. Брудного [4].

Всё это диктует необходимость более чёткой координации этих понятий и, в частности, решения вопроса о том, как соотносятся между собой смысл и содержание: это явления тождественные или разные, и если разные, то применим ли для их эксплицитного представления какой-либо один метаязык или для этого требуются различные метаязыки?

Одним из возможных способов решения этой задачи является экспериментальное исследование соотношения в тексте содержания и его смысла. Нами была предпринята попытка такого экспериментального исследования; некоторые его предварительные результаты излагаются в данной работе.

Прежде чем описывать сам эксперимент, выскажем ряд гипотез относительно природы рассматриваемых явлений.

1. Каждый текст, независимо от его вида, обладает одновременно и содержанием и смыслом, которые как явления различны.
2. И содержание и смысл являются результатом понимания. Но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное “положение вещей” в мире. Смысл же базируется в определённой степени на тематической организации текста, связанной с экспликацией замысла автора, который при восприятии предстаёт как некоторый код; его следует расшифровать.
3. Соотношение содержания и смысла может быть различным в зависимости от вида текста, к которому он принад-

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований №98-06-80-38-7

лежит. В одних случаях расхождение между смыслом и содержанием может быть настолько незначительным, что они практически совпадают. В других же случаях это расхождение может быть достаточно большим. При этом в одних случаях может доминировать смысл, где содержание играет подчинённую роль, в других же, – наоборот, содержание, которое формируется на основе смысла и как бы “растворяет” его в себе. Такое содержание может иметь дальнейшее осмысление, которое, однако, нельзя рассматривать как результат непосредственного воздействия данного текста.

4. Можно предположить, что минимальное расхождение содержания и смысла характерно для текстов научной, технической тематики, для так называемой “деловой прозы”, а максимальное – для различных жанров художественных текстов.

Известно, что предметом текста, относящегося к научной, технической и др. подобной тематике, является объективная действительность и её автор не только стремится, но и обязан как можно более точно описать этот предмет, используя соответствующие языковые средства. Другими словами, его замысел не выходит далеко за рамки описываемого предмета, явления реальной действительности. Поэтому и при восприятии такого текста денотативная (содержательная) и тематическая (смысловая) организация как бы совпадают, накладываясь друг на друга.

В художественном произведении автор решает, как правило, другие задачи, связанные преимущественно с постижением “смысла жизни”, смысла бытия. При этом изображение реальной действительности обязательно присутствует. Но это изображение является здесь лишь фоном, на котором при восприятии проступает тот или иной “рисунок” авторского замысла, его неявно выраженной мысли. Здесь, по выражению Л. Н. Синельниковой, “сквозь “этот” мир просвечивает мир “иной”, вследствие чего совершается переход от “физики мира к выражению ментальных состояний” [13], поэтому здесь расхождение между денотативной и смысловой организацией текста может быть значительным.

Проведённый нами эксперимент базировался на выполнении задания в процессе восприятия испытуемыми предъявляемых им тек-

стов.

Для эксперимента было отобрано 10 текстов, в том числе: художественных – 5, специальных научных – 2, научно-популярных – 3. Художественные тексты были представлены ранним рассказом Б. К. Зайцева “В дороге” и отрывком из его же рассказа “Вечерний час” [6]. Три других художественных текста представлены стихотворениями, одно – А. Блока “Сумерки, сумерки вешние...” [1], два других – И. Бунина (“В поезде” и “Родник”) [2].

Один из специальных научных текстов посвящён природе свободных колебаний как физическому явлению, другой – толкованию сложных юридических понятий, таких как “юридический факт”, “правомерные действия”, “правонарушения” и др. [12].

Научно-популярные тексты были представлены историческим текстом, описывающим древнегреческий полис-государство, текстом об истории кремня (с элементами художественности) и достаточно лёгким текстом по юридической тематике [12].

В качестве испытуемых в эксперименте участвовали научные сотрудники и студенты, изучающие науки гуманитарного профиля, которые составили основную часть испытуемых. Каждый испытуемый работал с несколькими разными текстами. На каждый текст было получено в среднем около 10 ответов.

Задание испытуемым базировалось на предположении о том, что, несмотря на отсутствие достаточно чётких научных определений, носители языка имеют интуитивное представление о том, что такое смысл. Это предположение базировалось на данных, полученных при исследовании так называемой “наивной семиотики”, где для анализа использовались высказывания носителей языка относительно понятия “смысл” [5, 7]. Поэтому задание имело следующую формулировку: “Прочитайте внимательно текст и определите, в чём, с вашей точки зрения, заключается его смысл”. При этом никаких разъяснений или ответов на какие-либо вопросы, связанные с выполнением задания, не проводилось. Ответы фиксировались в произвольной форме на обороте 70-колонных машинных перфокарт, которые как бы неявно задавали возможный объём ответа. Характерно, что в процессе эксперимента не было просьб дать дополнительные карты.

Предполагалось, что полученные ответы будут отражать, во-первых, результат понимания данного текста конкретным испытуемым, во-вторых, представление данного испытуемо-

го о том, как, с его точки зрения, этот результат должен быть выражен на смысловом уровне.

Ответы испытуемых, полученные в эксперименте, представляли собой одно или несколько предложений, иногда – набор отдельных словосочетаний. Например, для текста №3: “Смысл текста в том, что героиня повести рассталась с одиночеством, обретя привычную для неё социально-экологическую нишу” – исп. З. И.; “Героиня (актриса) через восприятие новых для неё картин окружающей действительности приходит к осознанию нового для неё состояния души – открытости миру” – исп. Х. И. и т.п.

Для решения поставленной задачи полученные результаты необходимо было оценить прежде всего в количественном отношении. Но они представлены в такой форме, которая не позволяет непосредственно осуществить такого рода оценку. Поэтому потребовалось применение специальной методики, позволяющей получить определённые количественные характеристики, необходимые для “измерения” степени расхождения смысла и содержания в исследуемых текстах. Она заключается в следующем.

За “точку отсчёта” было принято содержание исходного текста. Для этого каждый из этих текстов был отработан с помощью специальной алгоритмической процедуры, позволяющей приписывать “веса” его номинативным единицам и на этой основе выделять наиболее существенные из них. Совокупность таких выделенных единиц (ключевых слов) вместе с их “весами”, представляющими собой некоторую количественную величину, составляет основное содержание исходного текста. Общая сумма “весов” этих ключевых слов образует некоторую величину, характеризующую в семантическом плане исходный текст в целом.

Ответы испытуемых также можно рассматривать как тексты, выделять содержащиеся в них ключевые слова и на этой основе сравнивать их с компонентами основного содержания исходного текста. Тем из них, которые оказались тождественными тому или иному компоненту основного содержания (при необходимости здесь учитывалась их смысловая эквивалентность), приписывались “веса” совпавшего ключевого слова. Сумма таких “весов” составляет величину, характеризующую в целом текст ответа испытуемого. Затем определялась степень близости конкретного ответа к исходному тексту по следующей формуле: $S = 1 - L/T$, где: S – степень близости, L – сумма весов,

характеризующая ответ испытуемого, T – сумма весов, характеризующая исходный текст. После того, как была определена степень близости всех ответов испытуемых относительно исходного текста, определялось среднее значение такой близости. Эти средние величины, характеризующие каждый исходный текст, использовались затем для итоговой количественной оценки степени расхождения-схождения содержания и смысла. Для этого был построен график, где по оси ординат откладывались усреднённые значения S , начиная с максимального, по оси абсцисс – номера соответствующих исходных текстов, а также их порядковый номер на этой оси. В результате была получена кривая, наглядно демонстрирующая, что количественные оценки ответов испытуемых, относящиеся к разным текстам, имеют разное отклонение от оси абсцисс. При этом (в плане интерпретации полученных результатов) считалось, что чем больше такое отклонение, тем в большей степени такой ответ следует отождествлять с тем, что рассматривается здесь как смысл, и наоборот – чем меньше такое отклонение, тем больше имеется оснований рассматривать эти ответы как содержание.

Как видно из графика, максимальным расхождением содержания и смысла характеризуется прозаический лирический текст №3 (Б. Зайцев “Вечерний час”), затем по степени убывания идут стихотворение И. Бунина “Родник”, содержащее описание родника в лесу, рассказ Б. Зайцева “В дороге”, передающий впечатления смотрящего в окно пассажира поезда, вырвавшегося из шумного индустриального города. Минимальное расхождение демонстрируют специальные научные тексты, находящиеся на правом фланге оси абсцисс. Другие тексты располагаются в интервале между ними. Интересно отметить, что стихотворные тексты демонстрируют большой разброс (2, 5, 9 места), что свидетельствует о большой сложности и противоречивости их внутренней организации.

Всё это подтверждает в определённой степени высказанные выше гипотезы. Применённый в данном эксперименте способ количественного измерения степени схождения-расхождения смысла и содержания даёт новые основания для классификации текстов, для исследования не только существующих между художественными и нехудожественными текстами принципиальных различий, но и того общего, универсального, что объединяет их как произведения речи.

Полученные данные дают также основа-

ние для некоторых выводов относительно механизмов формирования содержания и смысла как разных форм результата понимания, что предполагает их качественный анализ.

В связи с этим обратимся к конкретному материалу и приведём в качестве примера фрагмент текста №4 (Древняя Греция), являющегося довольно показательным в интересующем нас аспекте, а также экспериментальные данные, относящиеся к этому тексту.

“Древняя Греция классического периода была раздроблена на многочисленные самостоятельные полисы. Каждый из них состоял из города и окружающей его сельской местности. Это были крошечные государства с собственными самодовлеющими интересами, с территорией в среднем в несколько (3 – 4) тысяч квадратных километров и с населением в несколько десятков тысяч свободных граждан. Древнегреческие полисы занимали преимущественно территорию средней и южной частей современной Греции, а также малоазиатский берег Эгейского моря.

Материковая Греция – это гористая страна, почва которой плодородием не отличалась, за исключением, впрочем, некоторых прибрежных долин. В этих удобных для земледелия долинах, имеющих свободный доступ к морю и отрезанных друг от друга горами, обычно и располагались греческие полисы”.

Как видно из приведённого фрагмента, данный текст относится к научно-популярному жанру. На графике по степени расхождения содержания и смысла он занимает четвёртое место, что свидетельствует о доминировании в ответах испытуемых того, что можно отнести к смыслу. В то же время среди ответов испытуемых по этому тексту имеются и такие, в которых преобладает содержание. Сопоставление между собой этих групп ответов испытуемых даёт возможность качественной оценки полученных результатов с точки зрения того, каковы механизмы формирования смысла и содержания как результата понимания текста.

Приведём некоторые примеры.

Исп. В.Н.: “Описание древнегреческих полисов: как они структурированы, где расположены; как это отражается в сознании древнегреха.”

Исп. З.А.: “Текст об историко-географических особенностях Древней Греции, которые обуславливали менталитет жителей этого государства, в частности, восприятие ими отечества в виде конкретного и обозримого государства”.

Исп. З.И.: «Смысл текста в сообщении читателю информации о Древней Греции, её истории, климатических условиях страны, государственном устройстве”.

Исп. Г.Ю.: «Смысл текста состоит в том, чтобы познакомить читателя с некоторыми политическими и географическими характеристиками Древней Греции и т. д.»

Это те ответы, которые можно отнести к первому типу. Примером ответов второго типа, где преобладает содержательный план, могут служить следующие тексты:

Исп. З.И.: “Древняя Греция была раздробленным государством. Территория полисов составляла 3-4 тыс. кв. км. Греция представляла собой гористую местность с неплодородной почвой. Для древнего грека понятия “отечество” и “государство” совпадали.”

Исп. М.И.: “Древняя Греция делилась на полисы, которые состояли из города и сельской местности с населением в несколько десятков тысяч свободных граждан. Полисы занимали территорию средней и южной частей Греции. Они располагались в удобных для земледелия долинах” и т. д.

Как видно из приведённых примеров, общим здесь является то, что испытуемые осуществляют свёртывание исходного текста, являющееся одной из наиболее существенных закономерностей понимания. Но это свёртывание производится разными способами. Если сопоставлять ответы испытуемых с исходным текстом на лексическом уровне, то можно увидеть, что в первом случае имеется малая степень пересечения составляющих их единиц. Во втором же случае лексический состав ответов испытуемых в значительной степени совпадает с лексикой исходного текста.

Это объясняется тем, что первый способ свёртывания заключается в “приписывании” тексту единиц, являющихся как бы внешними по отношению к нему, взятыми из какого-то иного ряда, чем собственные его единицы. Свёртывание здесь происходит за счёт высокой степени обобщения, поскольку используемые для этой цели единицы берутся из понятийного ряда и являются по своей сути концептами. Этот процесс можно рассматривать как перевод на метаязык, о чём наглядно свидетельствуют ответы испытуемых. При этом следует отметить, что такой метаязык является лишь способом вербализации смысла, а не самим смыслом, который в своём “чистом” виде является внутренним ментальным образованием.

В противоположность этому свёртывание

по второму варианту осуществляется преимущественно за счёт “извлечения” из исходного текста некоторых его элементов и синтеза на этой основе определённых высказываний. Здесь также имеет место обобщение, но его механизм другой. Оно заключается в том, что выделенные по некоторым содержательным критериям элементы текста переосмысливаются в сознании, вследствие чего приобретают более широкое значение, чем их собственное. Благодаря этому они приобретают способность репрезентировать в сознании определённые фрагменты содержания, становясь своего рода знаками этого содержания. Здесь также имеется смысл, но это смысл внешний, привлекаемый именно для решения данной задачи. Этот смысл можно назвать “предметным”, поскольку он базируется на знании предметных отношений, существующих в реальной действительности. Он используется здесь как инструмент осмысления и как бы “растворяется” затем в таком результате понимания, который интерпретируется нами как содержание. Следовательно, здесь имеет место сложное взаимодействие содержания и смысла на разных этапах восприятия текста, где каждое из этих явлений может выступать то как результат, то как инструмент процесса понимания.

В случае представления результата понимания в виде содержания также возможен переход на уровень концептов, но он совершается как бы в пределах одного ряда, является его продолжением. В первом же случае расстояние между рядом единиц, составляющих ответы испытуемых, и единицами исходного текста является довольно большим, вследствие чего не всегда можно непосредственно проследить цепочку промежуточных звеньев, соотносящих те или иные концепты с конкретной лексикой, используемой в тексте. Особенно это характерно для художественных текстов. Но такой переход постоянно совершается в сознании. Он всегда требует определённых усилий, поскольку связан с выявлением, осознанием и фиксацией неявно заданных отношений между различными уровнями представления содержания, позволяющих соотносить их друг с другом и как бы замещать один способ представления другим. Всё это характерно именно для того, что здесь понимается как смысл.

В связи с этим, возвращаясь к проблеме метаязыка, следует сделать следующие выводы. Если для какого-либо текста расхождение смысла и содержания является значительным, то метаязыковые средства для эксплицитного

представления его семантической стороны должны быть ориентированы на единицы концептуального плана. В случае абсолютной доминантности содержательного плана метаязыковые средства должны отражать денотативный план текста. Чаще всего оба эти плана так или иначе сочетаются в тексте, поэтому семантика таких текстов должна быть представлена различными структурами, надстраиваемыми в разных плоскостях друг над другом и отражающими в явном виде существующие между их компонентами отношения и тем самым переход от одной такой структуры к другой.

Литература

1. Блок А.А. Избранное. М., 1973.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений. М., 1965. Т.1.
3. Брудный А.А. Текст как форма существования знаний // Знание, понимание, действительность. Фрунзе, 1986.
4. Брудный А.А. Чтение текста как психологическая проблема. I Общенациональный Конгресс по чтению “Чтение в современном мире: опыт прошлого, взгляд в будущее”. М., 1992.
5. Варшавская А.И. Высказывания о смысле. Проблемы сознания в отечественной и зарубежной философии XX в. Иваново, 1994.
6. Зайцев Б.К. Сочинения в 3-х томах. М., 1993. Том 1.
7. Кобозева И.М. “Смысл” и “значение” в “наивной семиотике” // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
8. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. Красноярск, 1983.
9. Купина Н.А. Замысел автора или вымысел читателя? // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993
10. Леонтьев А.А. Смысл как психолингвистическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: МГУ, 1969.
11. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. М., 1983.
12. Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основание для их классификации. Дис... канд. филос. наук. М., 1987.
13. Синельникова Л.Н. Когнитивно-языковая характеристика современного лирического сюжета. Красноярск, 1994.
14. Чернухина И.Л. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984.